

VIS

A

VIS

Песни Владимира Музыкантова в исполнении Александра Никитина и автора

Finger Lakes

И.Г.

Давай поедem туда,
Где о жестокости льда
Не забывает слюда
Под водопадом.
Где мы заглянем с тобой
На виноградник любой,
Где торговаться с судьбой
Уже не надо.

Мы перешли тот рубеж,
Где больше бед, чем надежд,
Где беспощадную брешь
Не залатаешь.

Еще «Титаник» плывет,
Но в глубине острый лед
Его внимательно ждет
И не растает.

Уже всего не успеть
И нужно только терпеть,
Когда не хочется петь
И целоваться.
Когда теряют свой смысл
Местоимение «Мы»,
И вдохновенье, и мысль,
И шум оаций.

Но не пеняй, не канючь -
Еще найдется наш ключ
И ослепительный луч
Разрежет тучи.
И разразится гроза,
И потеплеют глаза,
И испарится слеза –
Чего же лучше?

Согрела льдинку лоза,
Пожалуй, я все сказал,
И – будь что будет, я – за!
Мой милый случай.

*2012, на даче у Книжников,
Пенсильвания, Ор. №159*

Смерть чиновника

А.Н.

Во всем виновный, дрожа, как лист,
Живет чиновник, растущий вниз.
В движеньях мелок, бесстыдно лыс,
Приятель белок, потомок крыс.

Не врач, не плотник, не альпинист -
Штабной работник, бумажный глист.
Живет убого, как не живет.
Худые ноги, большой живот.

Летят недели, года бегут,
Но в этом теле (точней, в мозгу),
Как заключенный, тайком от всех,
Живет ученый, растущий вверх.

Живет прозаик, растущий внутрь –
Никто не знает его минут!
И в той же коже – свидетель Бог! –
Живет художник, растущий вбок.

Во всякой драме есть свой статист.
“Ах, мама, мама, ну, улыбнись!
Пускай без денег, пускай рогат,
Но не бездельник. Ну, не ругай.

Тебе признаюсь начистоту –
Я сам не знаю, куда расту.
Я твой шиповник, твой кипарис,” -
Шептал чиновник, растущий вниз.

Мне скажут: “Здрасьте, ну налепил!
Такие страсти, что твой Шекспир!”
Он вам не ровня, Шекспир не врет.
Умрет чиновник, и мир умрет.

1992, Москва, Ор. № 101

Тарантелла

А.Н.

Есть женщины, которые садятся в кресло, словно
Их ожидает скрытая от глаз мужская плоть.
Скорей всего, коллега, их рефлексy безусловны,
Рассмотрим-ка их под увеличительным стеклом.

Особое внимание: мгновение касания,
Подобное посадке «Аполлона» на Луну,
Подобное короткому прямому замыканию,
Подобное удару и полету в глубину.

Рассудок бесполезен – он пасует перед зрелищем,
Значение которого открыто для того,
Кому воображение рисует тело женщины,
Во всех неописуемых подробностях его.

Коллега, вы – краснеете, коллега, вы - застенчивы,
А как смотрел Людовик на маркизу Помпадур!
(А та была уверена, что ей стесняться нечего,
Поскольку посторонние в Версаль не попадут.)

Доказано наукой, что секреты наслаждения
Изысканных, невиданных, разнузданных утех,
Наперекор весьма распространенным заблуждениям,
Посредством подсознания всегда к услугам тех,

Кого природа щедро наделила полномочием,
Способностью, потребностью, нацеленностью на
Естественные радости и все такое прочее,
Кому благоразумная премудрость не нужна!

Данзас

Эти слезы на подушке
Удивляют тем сильней,
Что ни Вяземский, ни Пушкин
В череде последних дней
Не являются ко мне...
Жизнь спокойна, как на дне.

Ни печальная соната,
Ни поэма, ни панно
Не тревожат. А вот надо-ж,
Слезы льются все равно.
Подчиняясь сновиденью
Изливается душа,
Царскосельской дребеденью
То смущая, то смешая.

Что за польза в этой влаге,
Кроме смазки для очей?
Объясни, великий трагик –
Макбет слезы льет зачем?
Или это просто средство,
Чтоб ни слова не сказав,
Увидать изнанку сердца
Через мокрые глаза?

Для того ли пел я песни
И командовал полком,
Чтобы стать неинтересным,
Равнодушным стариком?
Где вы, барышни в трико?
Где моя "Вдова Клико"?

Я гуляю по столице
И бываю во дворце,
А во сне я вижу лица,
Танцы, лестницы, Лицей!
А еще я вижу поле,
А еще далекий плёс...
Ни раскаяния, ни боли,
Никаких причин для слёз.

1993, Филадельфия, Ор. №117

Кипрский набросок.

Рыжему и Чапе

Тут, за углом, где играет мандолина,
В старой таверне,
в укромной полутьме,
Где даже время не столь неумолимо,
Где нет проблемы - иметь и не иметь,
Где не слышна городская канонада,
И незаметна июльская жара,
Тут пузырьки из бутылки лимонада,
Нежно звеня, улетают умирать.

Я их легко отпускаю на свободу,
Не обращая вниманья на часы,
И поглощаю щекочущую воду,
Не забывая промакивать усы.

Ночь далека, посетителей немного,
С ними легко управляется жена.
Я ей помог приготовить осьминога,
Дал на столы монастырского вина.

Вот и сижу со скрещенными руками,
Не прикасаясь к предметам бытия,
И, улыбаясь, слежу за пузырьками,
Воображая, как, может быть, и я

Вот так улечу в ту заветную долину,
Где неизвестны ни жажда, ни нужда,
Где я вовек не услышу мандолину
И не смогу пузырьки освобождать.

1996, Ларнака, Кипр, Ор. №134

Застольная (Визави)

Моцарт: "Ты плачешь"?

Сальери: "Эти слезы

Впервые лью: и больно и приятно".

А. С. Пушкин

Если это суждено – да будет так.

Не случайно мы встречаемся все чаще,

Не случайно души излучают счастье,

Не случайно улыбаются уста.

Мы собрались ради дружбы и любви,

Добровольно подчинившись их уставу,

Никогда нас волновать не перестанут

Эти пристальные взгляды визави.

Кто-то хочет все науки изучить,

А для нас важнее братское застолье.

Да, любовь и доброта чреваты болью.

Да, послушай – как мой Реквием звучит.

Мы собрались ради дружбы и любви,

Сохранив свою способность к злодеянию.

Этот пир исполнен странным обаяньем!

Сладок яд, преподнесенный визави.

Молча выпей, от рояля отойди,

Но не выдай, что предчувствовал отраву.

У любви есть исключительное право

И помиловать, и смертью наградить.

Мы собрались ради дружбы и любви,

И расстанемся по этой же причине.

Не откладывай гитару, не молчи, не

Прячь от взгляда эти слезы, визави.

1994, Филадельфия, Ор. №125

Прощание с Вирджинией

А.Н.

Когда защелкнуты замки на чемоданах
И тишина готова дом заполнить,
Проснемся рано, проверим краны,
В последний раз по телефону позвоним.
В карманах множество дорожных атрибутов,
Лежит тропа – небезопасна и длинна.
Ее маршруты петляют круто
И окончательная точка не видна.

И потому обострены все наши чувства,
Предошущения свободы и любви.
На сердце пусто, легко и пусть вас
Не беспокоит наш осиротевший вид.
Возможно, странностью покажется кому-то,
Но мы уходим – нам опека не нужна.
Ждут самолеты, купе, каюты,
Далекий берег, долгожданная страна.

Через мгновение ляжет груз на наши плечи,
И оборвутся предварительные дни.
Глаза и речи противоречат,
Но эту ложь сегодня можно извинить.
При расставании предписана минута,
Когда тревога объяснима, но сильна.
Душе так смутно, так неуютно,
Так безутешно неприкаянна она...

Печаль минутна, но почему-то
И абсолютна, и пронзительна она.

1992, Шарлоттсвилль, Вирджиния, Ор. № 97

Эссе? Извольте, мне не лень.
Скрипит послушное перо.
Итак, весна. Рабочий день.
Москва. Поездка на метро.

Метро удобно – как модель
Для изучения людей.
Возможно, в двух шагах – злодей.
Возможно – Вольфганг Амадей.

Теперь возьмем другой объект:
Вот магазин, вот толчея.
Среди других стоит субъект.
Типичный случай. Точно, - я.

Один, не узнанный никем,
Ни алкашом, ни продавцом,
Стою, зажатый в уголке
С невыразительным лицом.

Да, есть немногие сердца,
Натуры избранные и –
Для них цветет мой дивный сад,
Для них сокровища мои.

Они умеют угадать
Чужое чувство и судьбу,
И с ними можно сострадать
И наслаждаться без табу.

Я прикасаюсь к ним лицом,
Я открываю наготу,
Я доверяю им свой сон,
Свою ошибку и мечту.

Мне их обида – как игла,
Мне похвала их дорога.
Они нашли во мне талант,
А кто бы мог предполагать...

Я не люблю чужих людей,
Но среди множества идей
Есть и такая – что везде
И в каждом – Вольфганг Амадей.

Я допускаю, что любой
Способен чувствовать любовь.
Я понимаю, что любой
Имеет право быть собой.

И я такой же, как и все.
И я – такой же, как и все?!!
Ну, как тебе мое эссе?

*1992, Шарлоттсвилль, Вирджиния,
Ор. № 93*

В. Алексееву

Сегодня – первая суббота
Из многих будущих суббот,
Еще жениться неохота,
Еще до свадьбы заживет.

Мы познакомились недавно,
Чего скрывать – мы влюблены,
Пусть не всерьез пока, и славно,
Поедем к Вовке на блины.

Садимся утром в электричку,
Где в неподвижной тесноте
Тела спрессованы, как спички,
И серный дух от этих тел.

И все обструганы так схоже,
И только чиркни – полыхнет!
Не то, что медленный прохожий,
Что вдоль по насыпи идет.

Там земляника вызревает
Вкусней и краше, чем в лесу,
И ярко стеклышки сияют
На зауряднейшем носу.

Там все домашнее такое,
Там мимо поезд пролетел,
Набитый доверху настоем
Из ароматов наших тел.

Читай мне на ухо «Лолиту»,
Скользни ресницей по щеке,
На нас никто не станет злиться –
Давай, нарушим этикет!

Нас ждет кровать на теплой кухне
И чей-то шорох поутру...
А тут – «Лолита», губы, ухо –
Я от желания умру!

Кипят набоковские страсти,
Мы таем, словно блеманже!
Я расстегнул твой плащ и –
здрасьте,
Как так – Абрамцево? Уже?

Уже туда, где стынет ветер,
Где тучи полнятся дождем,
Где мы невинные, как дети,
И вдоль по насыпи идем.

Где земляника вызревает
Вкусней и краше, чем в лесу,
И ярко стеклышки сияют
На выдающемся носу.

1990, Москва, Оп. № 87

Разгар сезона, канун призов,
И вновь газоны бросают зов,
А ночью – шорох зеленых штор:
Зовет партнеров закрытый корт.

Здесь нет арбитра и нет трибун,
Зато забыты тут все табу.
Здесь даже допинг не запрещен:
Еще глоточек? Еще, еще!

Ведь ты хотела, и я хотел
Такого дела для этих тел,
И так упруги, так горячи,
Так греют руки твои мячи!

Мелькают тени, и - словно встарь,
Я – корт, ты – тренер, мы - инвентарь,
Мы там, в полете, мы на черте,
На вечном счете “Эгалитэ”.

Решают судьбы сенат и сейм,
А нас рассудит последний гейм.
Лови подачу, гаси свечу.
- Ты плачешь? - Плачу.
- Молчи. - Молчу.

1989, Москва, Оп. №67

Проблема тождества

Сегодня ветрено, но, тем не менее,
Мы прогуляемся у озера.
Как чьи-то тени, нам грозят растения -
Чтобы соблазн болтать не возникал.

Мы приближаемся к такому возрасту,
Когда соблазны нам слышны едва.
Мы прикасаемся к вопросам совести,
К секретам творчества и естества.

Мы погружаемся в проблему тождества,
Тригонометрия – страна зеркал..
Мы отражаемся, и так похоже все,
И – нынче ветрено у озера.

Мы отражаемся в полотнах гениев –
О, Микеланджело, о “Страшный суд”!
Мы понимаем все, но есть сомнения,
Что хоть однажды мы постигнем суть.

Все так, и надо ли грустить об истине?
В подобном возрасте она горька.
“Ах, как мы падали,” - шептали листья нам,
Ложась на камушки у озера.

Сегодня ветрено и листья падают,
Разнообразные в своей красе.
И, неприветливый, брожу по саду я
И та, безглазая, близка совсем.

Ее дыхание дарует равенство
Неодолимое во все века...
Без мук познания, без чувства зависти,
Без формул тождества на тех листках.

Проблема тождества, загадка разности -
Любому возрасту не по плечу.
Всю жизнь из кожи лезть, не зная праздности,
Чтобы приблизиться еще чуть-чуть

К другому возрасту, к другому берегу,
К черте последнего материка...
К обрыву в пустоту, где нет ни времени,
Ни нас, ни зеркала, ни озера...

1992, Москва, Оп. № 106

Колыбельная цыганочка

И.Г.

Перед нашим появлением было много тысяч лет,
Были сотни поколений, и упадок, и расцвет,
И братания, и войны, и величие страны –
Неужели не довольно? Неужели мы нужны?

Кто мы? Пушечное мясо? Или глина для Творца?
Для чего мы рвем на части наши бедные сердца?
Кто позвал меня на землю? Чем я важен? Для кого?
Он на небе, Он не внемлет, Он не скажет ничего...

Он рифмует строфы Данте, ноты Моцарта поет,
Водит кисточкой Рембрандта, модуль Юнга создает...
Ах, сатиры Ювенала, пифагоровы штаны!
Неужели это – мало? Неужели мы нужны?

Кто мы? Пушечное мясо или глина – для Творца?
Он молчит, Он безучастен, не видать Его лица.
Ничего не видно снизу. Извини, не обессудь:
Так, вслепую, тратим жизни, разбазариваем суть...

Но – видны родные лица мамы, друга и жены:
Неужели – состоится? Неужели мы нужны?!

...Кто мы – пушечное мясо или глина для Творца –
Не терзайся понапрасну, спи, моя красавица.

1992, Москва, Оп. № 103

Requiem

Когда родная мать
Не хочет узнавать
И сына забывает -
Куда ему идти?
Куда печаль нести?
Ах, милый, не грусти,
Такого не бывает!
Ласкать и утешать,
Слезами поливать -
На то она и мать,
Любимая, родная!

Когда родная рать
Уходит умирать
И сына призывает,
И сын еще в строю,
А мать уже в бою,
Но ангелы поют,
И слезы высыхают!
И мать велит терпеть
Мучения и смерть,
Была бы только твердь –
Любимая, родная!

Когда родная твердь
Твердит один завет,
А сына воля манит -
Ему не уцелеть:
Теснит родная клеть,
Свистит родная плеть,
Родная рать горланит!
Когда-нибудь опять
Настанет тишь да гладь,
И лишь родная мать
Молиться не устанет.

1987, Москва, Оп. №47

La Mouche

CAFE DES MUSES

Когда твои песни поют - большая радость.
Когда исполнитель становится
соучастником, можно сказать, соавтором
воплощения твоей песни в новое качество -
счастье. Сашина дружба, талант и понимание
подарили этим песням самостоятельную
жизнь и зарядили мою жизнь новой
творческой энергией: после многолетнего
молчания я вновь стал писать песни. Так что
впереди - новые встречи с нашим дуэтом!

Владимир Музыкантов

Продюсер - Александр Никитин
Запись и сведение сделаны Александром
Никитиным в Филадельфии и Одентоне,
Мэриленд, США, в 2011 -2013 гг.
Мастеринг - Drew Mazurek
Фото - Александра Раскопкина

Стихи и музыка Владимира Музыкантова
Владимир Музыкантов: голос (1, 3, 4, 6, 8, 9, 12, 13); Александр Никитин:
голос (2, 3, 5-7, 10, 11, 13), гитары (1-13), укулеле (1, 5, 9), бас (1, 5, 7, 10), фортепиано (7);
Мери Бет Никитина: флейта (13)

Все права защищены
Copyright © Стихи, музыка: Владимир Музыкантов
© 2013 Chesapeake Records, www.chesapeakerecords.com

